

Этой ночью дождь, копивший силы долгое время, обрушился на землю, подобно тысячам водяных змеев, рвущихся с небес. Юнь Шо и Жуньцин, укрывшись под одним зонтом, прошли лишь малую часть пути, но их одежда уже промокла насквозь.

Жуньцин остановился перед беседкой, выпрямился и, подняв руку, смахнул рукавом капли, стекавшие с мокрых волос на лбу. Он поднял голову, вглядываясь в надпись на горизонтальной табличке.

— Наедине с луной, лицом к ветру, — тихо прочел он и добавил, проворчав: — Сегодня ветер есть, а луны нет. Должно быть, Бессмертный снова перебрал вина и забыл зажечь фонарь.

Сказав это, он сам себе тихо и мягко улыбнулся.

В легендах государства Юнь Бессмертный Пьяной Луны ведал сменой лунных фаз и людскими судьбами. Поскольку лунный дворец был холоден и пустынен, Бессмертный часто проводил время на вершинах гор, в одиночестве попивая тысячелетнее вино из цветков османтуса.

Говорили, что, когда он пил, очертания луны становились туманными, а в хмельном дурмане он связывал нитями дождя и облаков судьбы тех, кому суждено было встретиться. Бессмертный часто повторял: луна убывает и полнится, вино бывает крепким и слабым, а связи — глубокими и поверхностными, и все это воля небес; пить в одиночестве, глядя на луну, и в мечтах сплетать людские судьбы — вот истинное блаженство.

Юнь Шо сложил свой зонт и быстро вбежал в беседку. Увидев, что Жуньцин промок до нитки, но при этом бережно прижимает к груди его зонт, как величайшую драгоценность, он почувствовал одновременно досаду и веселье:

— Ты предпочел промокнуть, лишь бы не раскрыть зонт?

— Зонт дорогой.

Юнь Шо не знал, смеяться ему или плакать:

— Твой зонт дорогой, а мой, значит, дешевка?

Сюй Жуньцин тихо рассмеялся, осторожно положил зонт на сухую каменную скамью и только тогда, успокоившись, отряхнул мокрую одежду. Капли воды стекали с кончиков его ресниц, и вид у него был такой, что сердце невольно сжималось от жалости. Он только собрался найти место, чтобы присесть, как вдруг замер — в беседке уже кто-то был. Незнакомец полулежал, опершись на перила, и пристально смотрел на него.

Лицо его было трудно разглядеть, но от него исходил тяжелый запах вина, смешанный с тонким ароматом листьев лотоса.

Даже в полулежачем положении было заметно, что мужчина высокого роста. Волосы не были убраны в венец, лишь перехвачены лентой. В руках он вертел плоскую круглую флягу с узором в виде верблюда. Мужчина был облачен в темный халат с запахом, пояс был завязан небрежно, и во всем его облике сквозила какая-то непринужденная, вольная грация.

За его спиной косыми линиями секли воздух потоки дождя, а вдали виднелись колышущиеся листья лотоса.

Жуньцин бросил взгляд на Юнь Шо. Юнь Шо сложил руки в приветственном жесте перед незнакомцем, но голос его прозвучал холодно:

— Благодарю вас, господин Дуаньчэн, что выручили нас сегодня. Однако та вещь — мой личный предмет, прошу вас вернуть её владельцу.

Дуаньчэн не спеша ответил:

— Я, разумеется, верну её. Но дождь еще не утих. Не желаете ли вы составить мне компанию и выпить по чарке?

Дождь за беседкой стал тише, редкие капли, словно жемчужины, падали на листья лотоса, издавая мелодичный звон.

Так это же тот самый господин Сычэнь, которого они встретили днем у городских ворот!

Юнь Шо холодно произнес:

— Благодарю за любезность, господин Сычэнь, но завтра нам предстоит экзамен, так что задерживаться сегодня не с руки. Лучше верните нам вещь, а если будет суждено — встретимся в другой раз.

Дуаньчэн слегка похлопал себя по лбу и виновато произнес:

— Прошу прощения, это я был неосторожен и совсем забыл о столь важном деле, как ваш экзамен. Надеюсь на ваше великодушие.

Однако о возвращении вещи он не проронил ни слова, а с интересом посмотрел на Жуньцина:

— Если память мне не изменяет, в подорожной указано имя Сюй Жуньцин, верно?

Жуньцин кивнул:

— Именно так. Мое второе имя — Фу Ин, что означает дождь, увлажняющий молодые побеги, и ветер, ласкающий цветущую вишню.

— У ваших родителей изысканный вкус, — не поскупился на похвалу Дуаньчэн.

Юнь Шо метнул на Сюнь Дуаньчэна острый взгляд, в котором читалось явное предупреждение.

— Это имя дал мне учитель, у меня нет родителей, — Жуньцин, не заметив реакции Юнь Шо, продолжал искренне отвечать: — Учитель надеялся, что однажды я смогу исцелять людей и избавлять народ от болезней и невзгод. Это имя никак не связано с любованием луной и ветром.

— Прошу прощения за бестактность. Только что вы сказали, что сегодня есть ветер, но нет луны, но я считаю, что пока есть человек, способный оживить этот одинокий вечер, в этой беседке есть и луна, и ветер. Жаль лишь, что лотосы еще не распустились. Фу Ин, приходи сюда почаще, когда будет время, и ты сможешь сполна насладиться красотой этого пруда.

Дуаньчэн поднял голову и отпил вина.

Юнь Шо больше не мог сдерживаться:

— Смотрю, дождь утих, а то, чего доброго, снова хлынет. Та вещь стоит гроши, если господину Сычэню она так приглянулась — пусть забирает. К чему только нас, простых людей, забавлять? Не будем же мы мешать вам наслаждаться ветром и луной. Пойдем!

Он раскрыл зонт и, едва сдерживая гнев, потянул Жуньцина за собой.

Жуньцин поднял голову, глядя на густые черные тучи.

Отойдя довольно далеко, они услышали, как тот человек в беседке тихо произнес им вслед:

— Господин Юнь Шо, вы большой шутник. Какое там любование ветром и луной? Лишь ночные пиры да стремление жить сегодняшним днем.

— Как ты думаешь, кто он такой? — спросил Жуньцин, оглянувшись.

— Его фамилия Сюнь, как ты думаешь, кто он? — вопросом на вопрос ответил Юнь Шо. — Да и в столице... скорее всего, знатный отпрыск, занимающий пустую должность при дворе, который только и знает, что слоняться без дела и дразнить людей. Что, ты правда собрался к нему возвращаться? Еще и беспокоишься о нем.

Юнь Шо сунул руку за шиворот Жуньцину, отчего тот вздрогнул.

Жуньцин надул губы, обиженно спросив:

— Разве?

Юнь Шо взглянул на него и только собрался что-то сказать, как дождь снова усилился. Жуньцин сделал шаг вперед и взял его под руку:

— Ты слишком много думаешь.

Сердце Юнь Шо дрогнуло, и слова, готовые сорваться с языка, застряли в горле. Они шли, прижавшись друг к другу, пока Юнь Шо вдруг не спохватился:

— А где твой зонт?

Жуньцин равнодушно отозвался:

— Наверное, остался в беседке.

— Ну... вернемся за ним?

— Да брось, мы уже так далеко ушли.

Юнь Шо тоже решил, что так будет лучше: если они вернутся, то снова столкнутся с этим распутным господином, от одной мысли об этом ему становилось тошно.

— Ладно. На днях попрошу дядю купить тебе новый.

— Не стоит беспокоиться, у учителя есть запасной.

Дождь наконец прекратился.

Когда они вернулись во двор, была уже глубокая ночь. Вокруг царила тишина, лишь с углов крыш изредка срывались капли, ударяясь о мокрую землю с глухим звуком.

Юнь Шо зашел в западный флигель, где жил Жуньцин, и серьезно наказал ему:

— Завтра на рассвете я уйду на экзамен, буду ночевать в экзаменационных залах, вернусь только через три дня. Дома запирай двери и не выходи без лишней надобности.

Жуньцин скривил губы и улыбнулся:

— Я ведь тоже немного обучен приемам твоего дяди, не такой уж я слабый.

Юнь Шо строго посмотрел на него:

— Хватит дурачиться. Не принимай мои слова как шутку. Если встретишь лихих людей, будет не до смеха!

Жуньцин поспешно стер улыбку:

— О! Понял.

Юнь Шо кивнул, затем достал из-за пазухи серебро и протянул Жуньцину:

— Это деньги, которые дядя просил передать. Пока меня не будет, пусть побудут у тебя. Если будет нужда — бери из них.

Жуньцин понял, что он имеет в виду, и взял серебро:

— Хорошо, я присмотрю за ними.

— И еще, — Юнь Шо достал короткий кинжал. — Возьми, пусть побудет у тебя. Если случится беда — сможешь защититься.

Жуньцин пошутил:

— Приехал на экзамены, а привез с собой столько оружия. Неудивительно, что люди считают тебя подозрительным.

Юнь Шо приподнял бровь, прислушался к звукам вокруг и, убедившись, что никто не подслушивает, вздохнул:

— Хорошо, что взял два. Одно у меня этот Сюнь умыкнул, не знаю, удастся ли вернуть.

При мысли о назойливом Сюнь Дуаньчэне он снова пришел в ярость.

Юнь Шо все еще беспокоился, оставляя Жуньцина одного, поэтому повторил наставления еще несколько раз и только тогда вернулся в свою комнату.

На следующее утро Жуньцин проснулся, умылся и пошел в восточный флигель, где жил Юнь Шо. Дверь была открыта, внутри никого — Юнь Шо, по-видимому, уже давно ушел. В комнате царил беспорядок, на спинке стула висела сменная одежда. Жуньцин, увидев это, собрал вещи и постирал их вместе со своими.

Развесив белье, он обратил внимание на керамический чан в углу двора — в нем лениво плавали несколько красных карпов. Вспомнив про остатки вчерашней лепешки, он крошил немного и сыпал в воду. Рыбки тут же устремились к корму, на поверхности воды заиграли круги, отражая утренний свет — зрелище было поистине прекрасным.

Покормив рыб, Жуньцин подошел к шпалере у стены. Розы цвели в полную силу, переплетаясь розовыми, белыми и фиолетовыми оттенками, густо укрывая всю опору. Он вдохнул аромат цветов и пробормотал:

— Хозяин этого дома — удивительный человек. Подобрал цветы так, чтобы они цвели почти одновременно, но каждый со своим неповторимым очарованием, это потребовало немало труда.

После часа дракона он собрал вещи, взял немного еды и отправился на улицу Чжуцюз. Хотя Юнь Шо подробно описал ему путь и ориентиры, а по дороге он еще несколько раз спрашивал прохожих, из-за врожденного отсутствия чувства направления Жуньцин сделал изрядный крюк. Спустя более часа блужданий он наконец достиг величественных ворот Чжуцюз.

Жуньцин заворуженно стоял на улице Чжуцюз — куда ни глянь, везде процветание и великолепия. По широкой улице текла людская река, грохотали повозки. По обеим сторонам высились торговые ряды, развевались флаги.

Крики уличных торговцев сливались в шумный городской гимн, прилавки ломились от диковинных товаров из далеких стран. Иноземные купцы в пестрых нарядах и тюрбанах заставляли Жуньцина оборачиваться. В ювелирных лавках сверкали золотые и серебряные украшения, знатные дамы в шелках и жемчугах не спеша выбирали себе обновки.

Однако на это «процветание» было больно смотреть. В углу улицы, прямо у входа в лавки, съжились группы изможденных нищих. Грязные, в лохмотьях, они протягивали пустые миски, тихо выпрашивая подавание у проходящих мимо дам.

Вдруг до слуха донесся шум, перекрывший гул толпы. Жуньцин обернулся и увидел роскошную, подобную дворцу колесницу, медленно плывущую по центру улицы. Покрытая золотым лаком, с подвешенными по углам колокольчиками, она была увенчана балдахином с вышитыми тотемами Бэйданя. Колесницу сопровождали десятки стражников, которые громко разгоняли прохожих, словно объявляя о величии своего господина.

Когда колесница поравнялась с группой нищих, те бросились вперед, протягивая худые руки и моля о помощи. Но кучер безжалостно взмахнул кнутом. Раздался свист, и кнут опустился на спины людей, оставляя кровавые полосы.

Раздались крики боли, нищие бросились врассыпную. Кто-то упал под копыта коней, кто-то волочил раненые ноги. Знать из Бэйданя, сидевшая внутри, приоткрыла занавеску, брезгливо взглянула на них и тут же с шумом задернула её обратно, словно те были лишь назойливыми насекомыми.

Жуньцин застыл, чувствуя, как внутри закипает невыносимое отвращение. Он стоял, не в силах отвести взгляд.

— Эй, остолоп, отойди! Не загораживай дорогу! — рявкнул на него прохожий.

Жуньцин поспешно отступил — это было ему знакомо: в Шучжоу сверстники, когда Юнь Шо не было рядом, всегда так же кричали на него.

Неужели он и правда такой? Быть может, он просто чувствительнее других и замечает то, чего не видят они.

Жуньцин подошел к солидной аптеке, у входа в которую сидели несколько пожилых женщин с измученными лицами. Слуги аптеки входили и выходили, не обращая на больных никакого внимания, с ледяными лицами, в которых не было ни капли сострадания.

Жуньцин вдруг затосковал по учителю, захотел вернуться в Шучжоу. Если бы учитель был здесь, он бы обязательно помог этим несчастным. Жуньцин взглянул на вывеску аптеки — слова «Спасать жизни, не щадя сил» выглядели особенно оскорбительно. Но все деньги и еда, что были при нем, он уже раздал нищим, и теперь ничем не мог помочь. На душе стало очень тяжело.

Все было совсем не так, как он представлял себе перед отъездом. Подумав, он решил вернуться в маленький домик в переулке Хутоу.

Пройдя немного по улице, он свернул в тихий переулок. По обеим сторонам тянулись низкие кирпичные стены, у подножия которых валялись обломки камней. Он напрягся и остановился — беда, кажется, он снова заблудился. Когда он шел сюда, этого переулка не было.

Он нахмурился, озираясь по сторонам в попытке найти знакомый дом, но всё вокруг казалось всё более чужим. Как раз когда он собрался спросить дорогу, из глубины переулка послышался сухой кашель.

На звук он увидел неприметную аптеку с простой вывеской. Молодой помощник вышел оттуда с тряпкой, собираясь протереть дверную раму. Заметив сидевшего у входа старика, он тут же

склонился к нему и мягко спросил:

— Дедушка, вам нехорошо?

Старик поднял голову, в его мутных глазах мелькнула надежда, и он что-то прохрипел в ответ. Помощник кивнул и вернулся в аптеку. Вскоре он вышел с бумажным свертком, перевязанным бечевкой.

— Это от лекаря Гэ Ши, — помощник протянул сверток, его голос был добрым.

Старик взял сверток, в его глазах блеснули слезы, губы дрожали:

— Благодарю лекаря, но я... у меня совсем нет денег...

Помощник улыбнулся и отмахнулся:

— Не беспокойтесь, дедушка, денег не нужно, просто возьмите.

Старик хотел еще что-то сказать, но лишь кивнул. Он смахнул слезу рукавом, бережно прижимая лекарство к груди, будто это величайшее сокровище, и, опираясь на палку, побрел прочь, скрывшись за поворотом.

Жуньцин стоял неподалеку, молча наблюдая за всем этим. Он слегка повернул голову — вывеска Медицинского дома семьи Гэ тихо поскрипывала на ветру.

<http://bllate.org/book/19776/1948378>